

СВѢТЪ ХРИТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Английскомъ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. ст

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:

На годъ 3 дол. [6 рублей]
 На полъ года 1 дол. 50 цент. [3 рубля]
 На 4 мѣсяца 1 дол. [2 р.]
 Отдѣльные номера по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year \$3.00
 Six months \$1.50
 Four months \$1.00
 Single numbers 15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ IV. — N 14-й. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE — 14 — 28 Юля 1900

Уважай достоинство чловѣка.

(Изъ книги «Моя жизнь во Христѣ»).

„Помни кто есть чловѣкъ: образъ Божій, чадо Божіе, христіанинъ, наследникъ царствія, членъ Христовъ. Почитать, поэтому, нужно всякаго чловѣка, хотя онъ и носить язвы прегрѣшеній на душѣ своей; язвы язвами: онъ изрыты діаволомъ и грѣхомъ, а образъ, все образъ Божій. О язвахъ его надо пожалѣть, поболѣть, да и помолиться, какъ о своихъ: вѣдь мы всѣ—одно тѣло, всѣ единыя крови (Дѣян. 17, 26), всѣ отъ одинаго хлѣба причащаемся (1 Кор. 10, 17). Не обращай вниманія на бѣсовскія смущенія, раздѣленія и вражды. Тверди все—мы одно”.

On the Holy Sacraments of the Orthodox Church.

from LECTURES delivered by
HERMOGEN Bishop of Pskof and Porkhof.
(Translated from the Russian by Zenaide A. Ragozin).

The Sacrament of Penance.

Penance is a Sacrament in which the believer, after confessing his sins before a priest, with a contrite heart, with the intent of amending his life, with faith in the merits of Christ and with hope in His mercy, receives from the priest absolution for his sins and at the same time is invisibly absolved by Jesus Christ Himself. It is called „a second baptism,” from its analogy to Baptism, as a *bath of regeneration*: for if baptism cleanses man of the original sin and of the sins committed *before* baptism, penance cleanses him of the sins committed *after* baptism.

Jesus Christ first promised to His apostles and to their successors the power of remitting sins, when He said to them: „*Whatsoever ye shall bind on earth shall be bound in Heaven; and whatsoever ye shall loose on earth shall be loosed in heaven*” (Matth. 18 18); but it was only after His resurrection that He actually gave them the power when He said: „*Receive ye the Holy Ghost: Whose soever sins ye remit, they are remitted unto them; and whose soever sins ye retain, they are retained*” (John, 20, 22-23).

The external signs of penance among the early Christians were: fasting wearing sackcloth with ashes on the head, in imitation of King David, genuflexions, prostration on the ground or on the church floor, cutting off the hair, and for women sometimes standing in church with unbound hair. At the present time the preparation for receiving the Sacrament of the Eucharist consists in strict observance of fasting, abstention from worldly pleasures

and amusements, attendance at church, and more frequent and lengthened domestic prayers.

In the early ages of Christianity, penance took on a threefold form. For ordinary sins men confessed to one another and mutually asked one another for prayers. This was done in compliance with the words of the Apostle James: „*Confess your faults one to another and pray one for another, that ye may be healed. For the effectual fervent prayer of a righteous man availeth much.*” (James 5, 16). Such private confession is mentioned by St Dionysius the Areopagite and Clement of Rome. But it goes without saying that such confession never was nor was called, nor could be or be called, a sacrament, because, though every believer has the right to pray not only for himself but for another also, that God may remit his sins, not every one can himself remit them, but only bishop or a priest, as empowered thereto by Christ Himself. Everybody may and does pray: „*Forgive us our debts, as we forgive our debtors*” (Matth. 6, 12); but no one may forgive sins, either to himself or to others, nor can any one be absolutely certain that, if he only prays for forgiveness of his own or another's sins, God will actually forgive those sins. What, then, did the early Christians confess their transgressions to one another for? Why, for this: sin was a heavy burden to their souls, a crushing grief. Any trouble we feel intensely usually prompts us not only to ask God directly to destroy it by His strong power, or at least to alleviate it, but also to seek advice and comfort from other men. Hence the pious Christians of old, oppressed by grief at having allowed themselves to be drawn into this or that sin, asked forgiveness not only of God, but of their fellow-men, and sought advice and comfort from them, if there was no spiritual father near. The same thing is done now in some

of our monasteries,—those that are distinguished for piety and the severity of their exercises. But, I repeat, such confession was not a sacrament. It was simply a mutual effusion of the bitterness of a heart distressed with the consciousness of sin. Their more grievous sins the early Christians confessed before a priest or bishop in the presence of the whole congregation. For such sins a penance was always inflicted, and, after it had been performed, the sinners were absolved, mostly by the Bishop himself, and also in the presence of the faithful: he laid his hand on the penitent's head, reciting the prayer of absolution. If the Bishop was prevented, his place was taken by a priest. But this form of confession was abolished in the IV-th century, for two reasons: 1) because the morality of the Christians no longer stood on as high a level as it did in the first three centuries, and the consciousness of sin did not distress them as much: 2) because people were either ashamed or afraid to disclose their worst sins to the priest in the presence of others: ashamed because the others might condemn, and even despise them for such sins; afraid because of the inevitable penance, which to endure was thought irksome and shameful. So people ended by mostly concealing their worst sins. Those of medium importance the early Christians confessed privately to the priest or bishop. This form of confession is that which has survived to this day and is in general use now.

Rite of the Sacrament of Penance.

The rite of the sacrament, as practised in the Orthodox Church is not complicated:

1) Before beginning his confession the penitent listens to Psalm 50 („Have mercy upon me, O God”), read by the priest,—to two prayers, in which the lovingkindness of God to the penitent sinner is set

forth and forgiveness entreated for him of the Lord,—and to the Creed, which, however, the penitent should recite himself. Psalm 50 is read, because it presents most movingly and with great beauty the distress of a repentant soul. It is the sincere penitential effusion of King David, when the Prophet Nathan had brought home to him a great crime committed by him. The prayers are both very ancient: one is taken from the Liturgy of the Apostle James, the other from the Apostolic Ordinances. By reciting the Creed, the penitent attests before the priest that he is an Orthodox Christian, and therefore is entitled to participation in the Sacraments of Penance and of the Eucharist.

2.) After hearing the prescribed prayers and praying himself before the holy ikons, the penitent approaches the lectern, on which lie a cross and a Testament, as visible signs of the invisible presence of Jesus Christ Himself.

3.) The penitent hands to the priest a wax candle. It is, on one hand, a small offering to God in acknowledgement of the great benefit which the penitent hopes to receive after confession, *viz.* the forgiveness of his sins, and, on the other, a symbol or token that, at the present moment, his heart is soft as wax, and therefore ready to accept from his spiritual father, without rebelling, any reproof, exhortation, advice, even punishment, should his spiritual father judge them necessary for his soul's welfare. The priest receives the candle and lights it, if he can do so conveniently, before the cross and Testament, or before the holy ikons, by which symbolical action he expresses the following idea: „Even as the light of the candle thou hast offered, my spiritual child, so pure and bright shall be thy soul, when it is purified by the holy sacrament of Penance.” Then he addresses to him some words of appropriate admonition.

4.) The penitent then makes a detailed confession of his sins before the cross and Testament. It is desirable that he be sufficiently well prepared to tell them spontaneously, without waiting to be questioned, with a contrite heart, the priest only assisting him, and that his confession be not a mere dry recital, but a warm, earnest, sincere communion between spiritual child and father, in the presence of the omnipresent, omniscient God, Who is most just, but also most merciful. An excellent means to dispose the penitent to disclose more fully his soul to his father confessor is for him to read and study, during the days of preparation, the Ten Commandments with the commentary thereon in the Extensive Orthodox Catechism. These pages are as a mirror, wherein the sinner may contemplate himself from every side, see both his own beauties and his hideousness, thanking the Lord for the former and bringing the latter to the father confessor to be corrected. Some are in the habit of writing down their sins, or at least the more grievous of them or those of more frequent occurrence, and to read off the list at confession. This is a commendable practice, because, without such help to memory, one or other sin might easily slip from it and be forgotten, and also because such a memorandum enables the confessor to talk with the penitent more exhaustively and understandingly and to give him advice and instruction better fitted to his individual case. Only the paper must be destroyed by fire the moment it is done with. When he has come to the end of his confession, the penitent, after listening with bowed head to the prayer in which the priest petitions for the forgiveness of his transgressions through the grace of God, kneels down before him, while he, covering the penitent's head with the *epitrachelion* (double stole), recites over

him the prayer of absolution and calls down a blessing upon him. The *epitrachelion*, laid protectingly on the repentant sinner's head, symbolizes the divine grace, which covers all his sins, so that nothing of them will be seen, either on earth or in heaven.

5.) Having received absolution, the penitent kisses the cross and the Testament. This act, on one hand, betokens his reconciliation to God through the Sacrament of Penance; on the other hand, he asserts thereby that he has concealed nothing intentionally but has told everything that he could remember, and firmly intends to avoid in future, as far as in him lies, the sins disclosed by him at confession. On the same principle we kiss the cross and Testament after taking an oath, to attest the truth of our words or the inviolability of our promises.

All these rites of ours, or most of them, were known in very ancient times. They are mentioned in the Apostolic Ordinances, in the writings of the Fathers—St. Cyprian (on confession before a priest); St. Ambrose of Milan; the Blessed Augustine;—also in those of such great church writers as Origenes and Tertullian. Praying, oral confession, the prayer of absolution, these always and everywhere have been indispensable appurtenances of the Sacrament of Penance.

Orthodox Christians, more simple of heart, are so much attached to their mode of confession, that if a sick man loses the power of speech, the priest is asked to receive his „mute confession,” and never refuses, if only the patient has expressed the wish and has not lost consciousness, because even such confession, answers in its main features the conditions of penance: faith, consciousness of sin, contriteness of heart, and hope in the mercy of God; and it is a well-known fact that hearing is the last sense to go with the dying. In such cases certain conventional signs, suggested

by the priest, are substituted for words: a nod for „yes” or laying the hand on the heart, or a look at the ikons; a shake of the head, or closing of the eyes, or sideway motion of the hand, for „no,” etc. etc.

I will conclude this notice on the doctrine of the Sacrament of Penance with a few brief remarks on church penances. They consist of special religious exercises—such as fasting, almsgiving, suspension from participation in the Sacrament of the Eucharist for a certain term—and are imposed for particularly heinous sins. According to the definition of the Orthodox Church, a penance is not so much a punishment as a measure of correction, a spiritual treatment corresponding to the nature of the spiritual disease in question: it reminds the penitent of the gravity of his offence; it accustoms him to perform good deeds (almsgiving); it warns him from a repetition of the same sin, etc. etc. But in the doctrine of the Roman Catholic Church, a penance is a punishment intended to satisfy divine justice. This doctrine is not correct, since a penance is needed, not for the sin, but for the sinner. Divine justice is satisfied by the Savior’s merits, and no merits of our own can ever satisfy it. The sin is forgiven the sinner by the grace of God in the Sacrament; then why should he suffer punishment for a sin already forgiven? What the penance is needed for, is to bring the sinner to his senses, to insure his amendment. Church penances were known in very ancient times. The Apostle Paul already put away from the Church a certain Corinthian for leading a dissolute life, and later, when he had repented, received him again into the communion of the Church (I Cor. 5, 1–5; II Cor. 2, 5–8). Penances are mentioned by Fathers of the Church,—Irenæus, Cyprian, Basil the Great; also in the Apostolic rulings and the rulings of councils, œcumenic and provincial.

History records how St. Ambrosius, Bishop of Mediolanum (Milan), imposed a penance on no less a person than the Emperor Theodosius the Great, even as though he had been a common layman, for having lightly ordered the death of many innocent persons. In the early Christian Church those who lay under penance for grievous sins were divided into four classes: 1) the *mourners*: they stood outside the church *on the porch*, and implored with tears the faithful as they passed into the church to pray for them, and prayed themselves (Ruling 12 of Gregory of Neo-Cæsarea); 2) the *hearers*: they stood in the *vestibule* with the Catechumens, and heard the Liturgy with them, up to the Deacon’s exclamation „As many as are Catechumens, go forth!” 3) the *kneeling*: they stood on their knees, *in the western portion* of the church, and heard somewhat more of the Liturgy; and 4) *those standing with the faithful*: they heard the whole Liturgy, but could neither receive communion nor bring offerings for the church. The term for which penitents remained in this or the other class varied and depended on many things: the degree of repentance, the age, the state of health, etc. Only a Bishop could impose such penances, and it was mostly he who gave the absolution.

In Little Russia—the South-West of Russia—priests sometimes imposed curious penances, probably borrowed from the West, such as: lying prostrate on the church floor, in front of the *ikonostas* (the screen) face down, with arms extended, so that the body should present the form of a cross, and enduring in that position for the space of one or two Liturgy services;—kneeling with uplifted hands, holding in them a book of Epistles or the Hours,—being tied with a rope or chained to the church door during services. But such inflictions frequently ~~give~~ rise to ill-feeling between priest and parishioner.

Sometimes husband and wife helped each other in the performance of penances. It also sometimes happened that some hired

others to perform a penance for them, paying a fee to the substitute and giving a like sum to the poor.

Сводъ догматическихъ и главныхъ обрядовыхъ разностей, отличающихъ Западную Церковь отъ Восточной православной.

Ревнители папизма, стараясь посягать среди православныхъ свои папистическія измышленія, утверждаютъ, что между православіемъ и католичествомъ вовсе нѣтъ той непроходимой бездны, которую воображаютъ себѣ православные, что все равно — быть-ли православнымъ или католикомъ.

Насколько справедливо это утверженіе, показываетъ нижеслѣдующая таблица догматическихъ и главныхъ обрядовыхъ разностей, отличающихъ римо-католицизмъ отъ православія. Эти разности долженъ твердо знать каждый православный, чтобы *не увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія* (Еф. 4, 14), чтобы, по слову св. апостола Петра, всегда быть готовымъ всякому, требующему у насъ отчета въ нашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ (1 Петр. 3, 15).

I. Р а з н о с т и д о г м а т и ч е с к і я .

Ученіе Православной Церкви.

Ученіе Западной Церкви.

О церкви и ея главѣ.

Одинъ Христосъ есть глава Церкви. Если же архіереи, управляющіе Церквами, и именуется главами оныхъ, то сіе должно принимать въ такомъ смыслѣ, что они суть мѣстоблюстители Христовы, каждый въ своей области, и главы частныя. А Пыстыренаачальникъ есть Исусъ Христосъ.

Первенство, предоставленное въ древней церкви Римскому епископу, было лишь *первенство чести* (primus inter pares) и основано было не на божественномъ правѣ (не было de jure divino), а лишь на *гражданскомъ значеніи Рима*, какъ «царствующаго града». По отдѣленіи Западной Церкви отъ Восточной, то же первенство чести перешло къ Константинопольскому патриарху, какъ высшему послѣ римскаго изъ христіанскихъ іерарховъ. Только Вселенская Церковь, законно представляемая епископами, есть непогрѣшительная хранительница и истолковательница вѣры.

Римскій епископъ есть *преемникъ св. Петра*, князя апостоловъ; онъ есть *средоточіе церковнаго единства и видимая глава Церкви*; какъ вселенскій епископъ (episcopus ecclesiae universalis), онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ церковную власть (plenitudo potestatis ecclesiasticae) и *непогрѣшимъ въ двѣхъ вѣры*.

Видимое главенство учреждено въ церкви самимъ Исусомъ Христомъ и подтверждается евангельскими изреченіями.

О Святомъ Духѣ.

Духъ Святой отъ вѣчности исходитъ *отъ* одного Отца, какъ источника и начала Божества, и посылается въ мѣръ Сыномъ. Духъ Святой исходитъ не отъ одного Бога Отца, но *и отъ Сына* Божія (Filioque).

О Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Прародительскій грѣхъ распространился преемственно на *все* потомство Адама такъ, что нѣтъ ни одного изъ рожденныхъ по плоти, кто бы свободенъ былъ отъ этого бремени.

Поэтому и Пресвятая Дѣва Марія *не была изъята отъ первоуроднаго грѣха* при своемъ зачатіи и рожденіи, но впоследствии была очищена отъ грѣха Духомъ Святымъ.

Блаженная Дѣва Марія, по особенной благодати всемогущаго Бога и въ силу заслугъ Иисуса Христа, Спасителя рода человѣческаго, *совершенно изъята отъ первоуроднаго грѣха* съ перваго момента ея зачатія (immaculata concepti).

О добрыхъ дѣлахъ.

Въ силу искупительныхъ заслугъ Христовыхъ и при помощи благодати Божіей, человѣкъ *приобрѣтаетъ оправданіе* подъ условіемъ вѣры, сопровождаемой добрыми дѣлами; но, будучи оправданъ благодатію, *человѣкъ не можетъ ни вѣрою, ни дѣлами своими* *приобрѣтать себѣ заслуги* предъ Богомъ.

Человѣкъ оправданный можетъ совершать болѣе добрыхъ дѣлъ, чѣмъ требуетъ ихъ божественный законъ, и можетъ такимъ образомъ имѣть *сверхдолжныя заслуги* предъ Богомъ.

О грѣхахъ.

Подъ условіемъ вѣры и сердечнаго сокрушенія, *человѣкъ* чрезъ таинство покаянія получаетъ отпущеніе грѣховъ, при чемъ освобождается какъ отъ виновности, *такъ и отъ наказаній* за свои грѣхи силою искупительной благодати Христовой.

Получая въ таинствѣ покаянія отпущеніе грѣховъ, *человѣкъ-грѣшникъ* долженъ, однако, самъ понести временныя наказанія за свои грѣхи и тѣмъ *принести удовлетвореніе* (satisfactio) небесному правосудію или здѣсь на землѣ или за гробомъ.

Наказанія эти могутъ быть смягчаемы чрезъ вмѣненіе грѣшнику *преизбыточествующихъ заслугъ* Иисуса Христа и святыхъ Его, т. е. чрезъ *индульгенцію*.

О загробной жизни.

Для душъ послѣ смерти есть *переходное состояніе*, въ которомъ онѣ до послѣдняго суда предвкушаютъ блаженство или муку. Въ этомъ состояніи на участь усопшихъ могутъ,

кто не принесъ на землѣ *полнаго удовлетворенія* за свои грѣхи, тотъ по смерти *переходитъ въ чистилище*, гдѣ удовлетворяетъ правосудію Божію понесеніемъ *временныхъ* наказа-

по милосердію Божію, имѣть вліяніе молитвы Церкви и принесеніе безкровной жертвы.

ниѣ, отъ которыхъ. впрочемъ, души усопшихъ могутъ быть освобождаемы молитвами вѣрующихъ, принесеніемъ за нихъ жертвы и *индульгенціями*.

II. Разности каноническія и обрядовыя.

О с у м в о л ѣ в ѣ р ы .

Символь Никео-Цареградскій, согласно правилу 3 Вселенскаго собора, долженъ оставаться *навсегда неизмѣннымъ образцомъ вѣры* безъ всякихъ измѣненій и прибавленій, и потому внесенное Западною Церковію въ 8-й члець прибавленіе *Filioque* незаконно, даже независимо отъ степени вѣрности и справедливости выражаемаго этимъ словомъ ученія.

8-й членъ Никео-Цареградскаго символа вѣры слѣдуетъ читать *съ прибавленіемъ Filioque*, хотя это прибавленіе позднѣйшаго происхожденія и принято одною Западною церковью.

О т а и н с т в ѣ к р е щ е н і я .

Церковь православная, не отвергая силы крещенія, совершаемаго чрезъ обливаніе или окропленіе водою, признаетъ, однако, что этотъ способъ совершенія таинства существовалъ въ древней Церкви только въ видѣ исключенія. Общимъ же и правильнымъ способомъ совершенія таинства слѣдуетъ признавать *троекратное погруженіе*.

Таинство крещенія можетъ быть совершаемо и чрезъ обливаніе и чрезъ погруженіе; но въ практикѣ церковной *предпочитается обрядъ обливанія*.

О т а и н с т в ѣ м у р о п о м а з а н і я .

1) Таинство муропомазанія можетъ быть совершаемо и епископами и священниками.

1) Таинство муропомазанія должно быть совершаемо *одними епископами*.

2) Таинство муропомазанія преподается обыкновенно тотчасъ послѣ крещенія, слѣдовательно, и младенцамъ.

2) Таинство муропомазанія преподается *не тотчасъ послѣ крещенія младенцевъ*, но спустя нѣсколько (не менѣе 7) лѣтъ, когда крещенные изучать сколько-нибудь христіанскую вѣру.

3) Видимую принадлежность таинства муропомазанія составляютъ: а) *муро*, освященное епископами, б) слова: *печатъ дара Духа Святаго* и в) крестообразное помазаніе чела, очей, ноздрей, ушей, устъ, груди, рукъ и ногъ крестившагося.

3) Епископъ, совершая таинство муропомазанія, *возлагаетъ на муропомазуемаго руки*, напечатлѣваетъ на челѣ его крестъ муромъ, говоря: *знаменую тебя крестнымъ знаменіемъ и утверждаю тебѣ муромъ спасенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь*.

О т а и н с т в ѣ е в х а р и с т і и .

1) Для евхаристіи нужно употреблять *хлѣбъ квасный*.

2) Преложеніе св. Даровъ въ Тѣло и Кровь Иисуса Христа совершается *черезъ молитвенное призываніе Св. Духа* на предложенные Дары, во время произнесенія съ благоговѣніемъ словъ: *сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего* и проч.

3) Причащаться евхаристіи какъ духовные, такъ и мірскіе люди должны *подъ обоими видами* хлѣба и вина (sub utraque specie).

4) И *малыхъ дѣтей* слѣдуетъ, за вѣру приносящихъ, *сподоблять святыхъ Таинъ* въ освященіе душъ и тѣлесъ ихъ и въ пріятіе благодати Господней.

1) Евхаристию слѣдуетъ совершать на *прѣсномъ хлѣбѣ*, на опрѣснокахъ.

2) Преложеніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Иисуса Христа совершается на литургіи *во время произнесенія словъ установленія таинства: сіе есть Тѣло Мое, сія есть Кровь Моя*.

3) Подъ обоими видами должны причащаться евхаристіи только священнослужители, а мірянѣ слѣдуетъ причащать *подъ однимъ видомъ хлѣба* (sub una specie).

4) *Не слѣдуетъ допускать* къ евхаристіи *дѣтей*, пока они не приобрѣтутъ нужныхъ свѣдѣній о таинствѣ евхаристіи.

О т а и н с т в ѣ п о к а я н і я .

Епитиміи, хотя, по существу своему, суть наказанія, но по значенію — наказанія *только исправительныя, врачевныя, отеческія*. — точно такія, о какихъ говоритъ апостолъ: *егоже любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. 12, 6).

Епитиміи суть наказанія, которыя грѣшникъ долженъ понести *для удовлетворенія правды Божіей* за свои грѣхи.

О т а и н с т в ѣ б р а к а (и священства).

Ни иподіаконъ, ни діаконъ, ни пресвитеръ не имѣютъ позволенія, по совершеніи надъ ними рукоположенія, вступить въ бракъ. Но если кто изъ поступающихъ въ клиръ захочетъ сочетаться съ женою, тотъ *пусть вступаетъ въ бракъ прежде* рукоположенія.

Кто не произнесъ обѣта *всегдашняго дѣвства*, того не слѣдуетъ возводить на степень священника или діакона.

О т а и н с т в ѣ е л е о с в я щ е н і я .

1) Въ елеосвященіи врачуется душа болящаго отъ грѣховъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *тѣло отъ болѣзней*.

2) Таинство елеосвященія принимается одержимыми *сильною болѣзнію*; впрочемъ, не требуется такого изнеможенія силъ, чтобы больному не оставалось надежды къ выздоровленію.

3) Елей для таинства освящается *пресвитерами*, совершителями таинства.

1) Таинство это есть приготовленіе вѣрующихъ *къ мирной и безболѣзненной кончинѣ* (ultima unctio).

2) Таинство это должно совершать надъ такими больными, которые *находятся уже при смерти* и требуютъ только утѣшенія вѣры противъ ужасовъ смерти.

3) Елей долженъ быть освященъ *епископомъ*.

Отвѣтъ на нападки на православную церковь въ Аляскѣ капитана S. P. Elliot.

Въ № 9 нашего журнала (въ англійскомъ текетѣ) мы уже говорили разъ (по поводу замѣтки «Ruinaton of the Alaska Fisheries» въ «Weekly Examiner» отъ 9 марта 1900 г.) о рапортѣ въ Военное Министерство въ Вашингтонѣ капитана S. P. Elliot, который въ прошломъ году былъ посланъ въ Аляску для изслѣдованія рыбныхъ промысловъ. Помѣщаемъ теперь присланное намъ правосл. священникомъ въ Кадьякѣ, о. Т. Шаламовымъ, болѣе полное обсужденіе высказанныхъ въ этомъ рапортѣ взглядовъ на дѣло православной церкви въ Аляскѣ.

Надѣюсь, уважаемая редація не откажется дать мѣсто въ своемъ органѣ моему отвѣту на лживые наветы на церковь Греко-Россійскую и мою дѣятельность въ Кадьякѣ со стороны нѣкоего капитана S. P. Elliot, въ прошедшее лѣто осчастливившаго своимъ часовымъ присутствіемъ Кадьякъ.

1. Г. Капитанъ утверждаетъ, что положеніе алеутовъ бѣдственно. Дѣйствительно, это справедливо. Но какимъ путемъ убѣдился онъ въ этой истинѣ? Не простая ли это догадка его, случайно совпавшая съ истинной? Онъ не былъ ни въ одномъ алеутскомъ селеніи ни на Кадьякѣ, ни въ Афогнакѣ, ни въ ближней отъ Кадьяка Аляскѣ, и, кажется, не видѣлъ здѣсь ни одного алеута. Неизвѣстно, былъ ли онъ гдѣ нибудь и въ другихъ мѣстахъ, входилъ ли въ нужды туземцевъ, въ разспросы о ихъ житьѣ-бытьѣ. А безъ такого опроса, наблюденія, изслѣдованія едва ли возможно дѣлать такіа смѣлыя и категорическія умозаключенія и утвержденія. Можетъ быть, о бѣдственномъ положеніи алеутовъ ему сказали на Кадьякѣ? Но почему капитанъ повѣрилъ сказанному безъ личной провѣрки и ни однимъ словомъ не обмолвился о причинахъ оскуднѣнія и бѣдности алеутовъ? Намъ кажется, слѣдовало бы ему, какъ честному, нелицепріятному, вѣрному гражданину, обо всемъ дознавшись на основаніи фактовъ, указать Правительству и причины оскуднѣнія. Быть можетъ, тѣ лица, которыя давали ему свѣдѣнія объ алеутахъ, имѣли свои основанія умолчать о причинахъ алеутской бѣдности... Да и какъ можно въ такомъ важномъ дѣлѣ, касающемся жизни человѣка, такъ безтактно и поспѣшно дѣлать доклады? Я живу на Кадьякѣ, наблюдая жизнь алеутовъ, не часъ и не два, какъ капитанъ Elliot, а седьмой ужъ годъ, и даже ежегодно болѣе мѣсяца живу съ ними одною жизнью, раздѣляя и ложе и столъ ихъ, и по опыту вижу, что все зло для Аляски происходитъ отъ недостатка здѣсь честныхъ, вѣрныхъ американцевъ, радящихъ о благѣ народномъ, которые бы нелицепріятно, правдиво и свободно давали показанія Правительству о всѣхъ печаляхъ алеутскихъ, ихъ насилиіа, грабленія,

A REPLY TO THE ARTICLE

“RUINATION OF THE ALASKA FISHERIES.”

IN THE „WEEKLY EXAMINER” OF MARCH 9, 1900.

In our No. 9 we mentioned the report sent to the War Department at Washington by one Captain Elliot, who had been sent to Alaska to investigate the fisheries. We now publish a letter from the Orthodox priest at Kadyak, Father Shalamof, in which he fully discusses the view taken in that report of the Orthodox Church's work in Alaska. Here is the letter:

„I hope that the respected editor will not grudge the room in his paper to my reply to the lying charges preferred against the Greco-Russian Church and my own work in Kadyak, by a certain Captain Elliot who, in the course of last summer, bestowed on us the grace of his presence for the space of one whole hour.

1.—The Captain asserts that the condition of the Aleuts in Alaska is deplorable. That is but too true. But in what manner did he arrive at this truth? Was it not a mere random guess? He did not see the inside of one Aleut settlement, neither at Kadyak, nor at Afoznak, nor in the part Alaska nearest to Kadyak, and I don't believe he as much as saw one Aleut here. I do not know whether he went to other places, whether he entered into the natives' needs, questioned them on their life; and without such questioning, personal observation and investigation, it is hardly possible to arrive at such bold and sweeping conclusions, to make such categorical assertions. Possibly the Captain was told at Kadyak of the Aleuts' deplorable condition? Why then did he believe what was told him without attempting to verify it? why did he not touch with a single word on the causes of the Aleuts' impoverishment and present destitution, although he did refer to this sore and most pitiful question? It seems to us that his duty as a loyal, impartial, faithful citizen's, would have been to find out all the facts and, on that basis, to lay bare before the Government the causes of the country's impoverishment. But—could it not be that the persons who gave him his information about the Aleuts, had their own reasons to pass over with silence the causes of their destitution? (And how *can* anybody report so hastily and with so little tact on so important a subject, affecting a man's whole existence?)

I have lived in this island of Kadyak not one year, nor even two years, but over six years, studying the Aleuts all the time. Nay, during one month of every year, I live their life entirely, sharing their bed and board, and my own personal experience has shown me that the whole trouble comes from not having here any honest, loyal Americans, who would have the country's welfare at heart and who would, without respect to persons, truthfully and fearlessly, inform the Government of all the Aleuts' woes, tell how they are wronged,

развращеніи. А здѣсь бываетъ, что правительственными чиновниками назначаются лица ниже средней нравственности алеутовъ. Неужели такія личности могутъ поддерживать престижъ Правительства и вызвать симпатіи, любовь и уваженіе къ нему?

2., Капитанъ Elliot утверждаетъ въ своемъ отчетѣ, что Греко-Россійская церковь въ ея представителяхъ властвуетъ и давитъ алеутскъ, господствуя стаду. Опять утвержденіе болѣе чѣмъ странное и при томъ уже вполне живое. Алеуты во всемъ благодарны церкви русской, ибо только отъ ея представителей и видятъ они къ себѣ въ Аляскѣ человѣческое отношеніе. Церковь русская—ихъ просвѣтительница и воспитательница религиозно-нравственной ихъ жизни. Отношенія къ представителямъ ея со стороны алеутовъ братскія, сыновнія, искренне-любезныя не только въ Кадьякѣ, но и по всей почти Аляскѣ. О давленіи тутъ не можетъ быть и рѣчи, а только взаимная, Христова любовь царитъ между ними. Гдѣ факты давленія, насилія, рабства? Все подобное, прежде чѣмъ утверждать, слѣдовало капитану Elliot-у доказать, а безъ фактовъ утвержденія его болѣе чѣмъ странно, если не сказать безстыдны. Не русская церковь давитъ алеутовъ и можно сказать держать въ полномъ рабствѣ, а кто-то другой и другое, что капитанъ Elliot увидѣлъ бы безъ особаго труда, если бы не смежилъ очей своихъ или счелъ нужнымъ ихъ открыть.

3., Капитанъ утверждаетъ, что кадьякскій священникъ подстрекаетъ жителей на бунтъ и измѣну Правительству. Какія дикія и до безстыдства голословныя рѣчи! Гдѣ и сему факты? Кто это слышалъ? При какихъ лицахъ говорено это было и на какомъ мѣстѣ? Отчего г. капитанъ не назоветъ по именамъ тѣхъ лицъ, которые ему сообщали эти нагло лживыя свѣдѣнія? Нѣтъ, г. капитанъ, не бунтъ и возстаніе, а безусловную вѣрность и преданность закону и Правительству мы всегда проповѣдывали народу,—разумѣется постольку, поскольку эти вопросы входятъ въ ученіе Христово, не входя ни въ какія политическія и иныя, чуждыя Христову ученію рѣчи и «басни», какъ говорить Апостоль. Правительству Штатовъ и закону мы всегда оказывали и оказываемъ полное послушаніе и нелицепріятное уваженіе, точно такъ же, какъ и истиннымъ, честнымъ представителямъ его, все это стараясь и примѣромъ и словомъ вселить и ввѣдрить въ сердца и умы жителей Кадьяка. Но къ представителямъ и гражданамъ страны лживымъ, низкимъ, только позорящимъ и пятнающимъ честь передовой и просвѣщенной націи, мы всегда относились и будемъ относиться съ полнымъ и нескрываемымъ презрѣніемъ и гадливостью.

4., Въ заключеніе капитанъ Elliot пишетъ, что вліяніе русскаго священника въ Кадьякѣ безусловно влѣкнется и есть «for evil». Въ какомъ отношеніи и въ

plundered, corrupted. Instead of that, it happens not unfrequently that persons of a lower moral standard than the Aleuts themselves are appointed government officers. How can such persons keep alive the prestige of the Government and win for it sympathy, confidence and respect?

2.—Captain Elliot asserts in his report that the Greco-Russian Church, through her representatives, dominates over and oppresses her Aleut flock. This is another more than strange assertion, besides being utterly false.

The Aleuts are in every respect grateful to the Russian Church, for it is only from her representatives they experience humane treatment in Alaska. The Russian Church is their teacher and educator in all that regards their religious and moral life. Their relations to her are fraternal, filial, sincerely affectionate, not in Kadyak alone, but nearly everywhere in Alaska. „Domination” is out of the question; there exists between them only mutual Christian love.

Where are the facts denoting oppression, violence, servility? All such things Captain Elliot should have proved before asserting, and, without facts to support them, his assertions are worthless, not to say impudent. It is not the Russian Church that oppresses the Aleuts, holds them in what may be described absolute thralldom, but something and somebody very different; what and who, Captain Elliot might have discovered with no great difficulty, had he chosen, instead of closing his eyes, to keep them open.

3.—Captain Elliot further asserts that the parish priest of Kadyak incites the natives to sedition and treason against the Government. What wild and shamelessly unfounded charges! Here again—where are the facts? Who has heard such preaching? In whose presence were such things said, and where? Why does not the Captain give the names of the persons from whom he heard these lies? No, sir; it is not sedition and treason, but absolute devotion and loyalty to the law and the Government that we have always preached to the people, in so far as such questions came within the range of Christian teaching, without entering into political and other discourses foreign to it, and such like „fables”, as the Apostle calls them. To the Government and the laws of the country we always have paid and do now pay the most absolute obedience and sincere respect, as also to their true and honest representatives and to all good citizens of this great country, striving ever, by word and example, to impress these feelings on the hearts and minds of our Kadyak people. But such citizens and representatives as are full of lies and meanness, and cast dishonor and stains on a progressive and enlightened nation we have always regarded and shall regard in future with absolute and unconcealed contempt and loathing.

4.—Captain Elliot concludes by saying that the influence of the Russian priest at Kadyak „is distinctly

какомъ смыслѣ? Гдѣ опять тому факты и свидѣтельства? Вѣдь и въ Евангелии еще Никодимъ, князь жидовскій, замѣтилъ фарисеямъ, безфактно и голословно судящимъ: «судить ли законъ нашъ человѣка, если прежде не выслушаютъ его, и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ?» Прежде чѣмъ обвинять и осуждать, выслушалъ ли насъ капитанъ, разспросилъ ли, развѣдалъ ли? Нѣтъ. Наше знакомство, свиданіе съ г. капитаномъ длилось не болѣе пяти минутъ, и когда мы хотѣли ему доложить кое что о печалаяхъ алеутскихъ, онъ не желалъ ничего выслушать и узнать, отговариваясь для приличія недостаткомъ времени, рѣшивъ уже заранѣе, подобно фарисеямъ временъ Никодима, что изъ Галилеи не приходитъ пророкъ.

Конечно, нескромно мнѣ писать о своихъ заслугахъ въ Кадьякѣ, но да извинятъ меня, если я скажу объ этомъ два слова, въ виду категорическаго утвержденія г. капитана, что мое вліяніе на народъ въ Кадьякѣ есть явное зло.

Всѣмъ извѣстно, что большое несчастіе для Правительства, когда граждане гниютъ въ развратѣ и пьянствѣ. — Нашими неуспынными трудами пьянство и развратъ въ Кадьякѣ и въ особенности между алеутами значительно ослаблены. Въ каждомъ селеніи на Кадьякѣ есть не мало лицъ, уже нѣсколько лѣтъ положительно не употребляющихъ спиртныхъ напитковъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ даже всѣ безъ исключенія трезвенники. Развратъ все слабѣетъ и слабѣетъ. При томъ сравнительно требуетъ замѣтить, что борьбу съ пьянствомъ причтъ велъ и ведетъ при полномъ равнодушіи со стороны правительственныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами предавались пьянству едва ли не болѣе туземцевъ, а другіе явно, открыто нарушаютъ законъ о продажѣ питей алеутамъ.

Правительство желаетъ имѣть честныхъ, непроступныхъ гражданъ. — Мы въ продолженіи шести лѣтъ неутомочно проповѣдывали въ церкви, домахъ, школахъ о необходимости человѣку въ жизни проникнуться до глубины сердечныхъ началами жизни Христовой, ими одними руководиться, на нихъ полагаться и изъ нихъ исходить не только въ дѣлахъ и поступкахъ, но даже въ мысляхъ и намѣреніяхъ. Наши наставленія, поученія, обличенія и увѣщанія, благодаря помощи Всевышняго, не были гласомъ вопіющаго въ пустыни. Многие вѣрные сыны и дщери церкви нашей вѣдали имъ и жизнь свою по нимъ расплавали. Это свидѣтельствовали и могутъ засвидѣтельствовать многія сотни членовъ нашей церкви. Посмотрите рекорды судебныя въ Кадьякѣ: много ли преступленій и какихъ совершено членами нашей церкви? Есть ли хоть одно преступленіе вполне преступное, такъ сказать? Почти полное отсутствіе преступленій не есть ли результатъ добраго воздѣйствія на сердца и волю жителей греко-російской церкви и ея пред-

for evil." With regard to what, and in what sense? Once again—where are the facts and evidence? We read in the Gospel that Nicodemus, a ruler of the Jews, remarked to the Pharisees, who were judging without facts and on mere hearsay: „Does our law judge any man before it hear him, and know what he doeth?" And did the Captain hear us before he judged us? did he question, investigate? He did none of these things. Our acquaintance and interview with him lasted not over five minutes, and when we would have told him something of the Aleuts' troubles, he refused to listen, excusing himself, for decency's sake, with lack of time, while he had decided beforehand, like the Pharisees of Nicodemus' time, that no prophet could come out of Galilee.

I know it does not become me to speak of my own merits in Kadyak; but I hope I may be excused if I do say a few words on this subject, in view of the Captain's categorical assertion that my influence here has been „distinctly for evil”.

It is universally admitted that it is a great misfortune for any government when a population is sunk in the slough of bad morals and drunkenness. Now, through our unremitting efforts, these two evils have considerably decreased at Kadyak, especially among the Aleuts. These several years there have been in every settlement on the island some persons who do not use liquor, and in some villages all without exception are temperance men. The demoralization grows less and less. And justice compels me to state that our church personnel has carried on and still carries on the war against drunkenness in the face of the most complete indifference on the part of the government officers, some of whom are themselves addicted to the vice, while others openly violate the law against the sale of liquor to the Aleuts.

The Government wishes to have honest, law-abiding citizens. Now we, for the last six years, have been indefatigably preaching in church, in homes, in schools, on the necessity for man to become imbued to the depth of his heart with the principles of a Christ-like life, to be guided by those principles alone, to place all reliance on them, to make them his starting point not only in acts and transactions, but even in his thoughts and intents. Our instructions, admonitions, warnings, and exhortations, thanks to the Almighty's help, have not been as the voice of one crying in the wilderness. Many true sons and daughters of our Church have listened to them and ordered their lives accordingly. To this many hundreds of members of our Church have borne and can bear witness. Look at the record of justice at Kadyak. How many and what kind of crimes are committed by members of our Church? Is there even one that can really be called a crime? Is not the almost complete absence of criminality the result of the good influence exercised by the Greco-Russian Church and her representatives on the hearts of the people and their volition?

ставителей?

Правительство желало и желаетъ испытать въ Аляскѣ культуру хлѣбныхъ и огородныхъ растений.— На такой призывъ мы съ радостію откликнулись и по мѣрѣ знаний и досуга послужили и по нынѣ служимъ этому благому дѣлу. Отчасти чрезъ наше посредство были выписаны для Аляски съ крайняго сѣвера Россіи сѣмена культивируемыхъ тамъ хлѣбовъ. Чрезъ насъ же жителямъ Кадьяка даны были пробныя сѣмена хлѣбовъ и овощей. О результатахъ своихъ опытовъ въ прошедшій годъ мы доносили, съ приложеніемъ возвращенныхъ нами хлѣбовъ, профессору Джордженсону, правительственному агенту Департамента Агрикультуры въ Аляскѣ, и отъ него имѣемъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ онъ объявляетъ намъ свою признательность. Опыты наши были если не удачны, то во всякомъ случаѣ удовлетворительны, тогда какъ тѣ же опыты другихъ лицъ, получающихъ при томъ правительственную субсидію за свой трудъ, произведенные безъ всякаго старанія, оказались совершенно безрезультатными. Неужели, г. капитанъ, и это сильное желаніе наше придти на помощь Правительству въ дѣлѣ алеутскаго продовольствія также клонится «distinctly for evil»?—Обидно, если скромнымъ труженикамъ такъ легкомысленно кидаютъ въ лицо грязью!

Вмѣсто того, чтобы такъ поспѣшно и такъ смѣло осуждать греко-россійскую церковь, не мѣшало бы г. капитану заняться своимъ рыбиннымъ дѣломъ, на которое онъ и былъ посланъ Правительствомъ официально. Въ этомъ дѣлѣ онъ могъ бы, если бы хотѣлъ и имѣлъ чувствительное и чувствующее чужое горе сердце, принести большую пользу бѣднымъ алеутамъ и заставить ихъ благословлять его и молиться о немъ. Въ Аляскѣ, а въ частности въ Кадьякѣ, идетъ ужасное расхищеніе рыбныхъ богатствъ, этого послѣдняго и единственнаго источника жизни алеутовъ. Рыбныя торговыя компаніи по всему почти Кадьяку, гдѣ только возможно, закрываютъ рѣки неводами и другими приспособленіями, чтобы задержать рыбныя стаи, идущія для метанія икры. Такимъ варварскимъ насиліемъ жизнь рыбъ породы «salmon» прекращается въ корнѣ. Это все должно было быть извѣстно капитану, ибо о подобныхъ безобразіяхъ знаетъ каждый уличный мальчишка въ Кадьякѣ. Почему же о такомъ безжалостномъ хищеніи горячо не доложить Правительству, что бы оно прекратило зло, пока оно не успѣло еще пустить недобрые корни, пока не исчезло и это богатство края, какъ случилось съ драгоценнымъ пушнымъ богатствомъ Аляски, что нынѣ, къ сожалѣнію очень поздно, стало безспорнымъ фактомъ. Послѣ расхищенія пушныхъ промысловъ, рыба послѣдняя надежда алеутовъ, при томъ надежда жизни и смерти. Почему бы не доложить о семъ какъ слѣдуетъ? Почему бы еще не предложить рыбнымъ торговымъ компаніямъ, расхищающимъ алеутскія богатства, въ

The Government wished and still wishes to try in Alaska the culture of cereals and vegetables.—We gladly responded to this appeal, and, as far as our knowledge and leisure would let us, we did, and are still doing our best to help on this good beginning. Partly through our mediation, specimen seeds were procured for Alaska from the extreme north of Russia of the cereals which are cultivated there. On the result of our own experiments in the past year we reported, enclosing samples of the cereals grown by us, to Professor Jorgenson, the Government agent of the Department of Agriculture in Alaska, and we have several letters from him, expressing his grateful appreciation of our efforts. If not entirely successful, our experiments were, at all events, satisfactory, while the same experiments, in the hands of other persons,—who, moreover, received a subsidy from the Government—proved entirely resultless, because carelessly conducted. Is the Captain of opinion that this our modest attempt to assist the Government in its wish to ensure to the Aleuts new sources of supplies was also „distinctly for evil?” It is hard for humble laborers to have mud thus flippantly flung in their faces!

Instead of thus rashly and recklessly condemning and slandering the Greco Russian Church, would not the Captain have done better to look after his fisheries—which was the official mission on which he was sent by the Government? In this matter he well might, had he had the will and a heart capable to feel for others, have done a vast amount of good the poor Aleuts, and made them bless him and pray for him ever after. In all Alaska, and at Kadyak in particular, the spoliation of the fisheries, this last and only source of the Aleut's subsistence, goes on at a tremendous rate. The fishing companies, on nearly the whole island of Kadyak, wherever it is feasible, bar the rivers and creeks with their nets and other encumbrances, to detain the schools of fish on their way inland to spawn. This barbarous violence is extirpating the genus salmon at the very source of life by stopping the process of propagation. The Captain ought surely to know all about these iniquities, for there is scarcely a street urchin at Kadyak who does not. Why then does he not report to the Government on this ruthless spoliation with such warmth as to induce it to put a stop to the evil while it is not yet beyond remedy, while the destruction of this item of the country's wealth is not yet as complete as the extermination of the precious seals and other fur animals, which more's the pity!—is now an accomplished fact? This being so, the Aleut's last hope is the fish; after that—death!

Why not present these facts properly in an honest report? Why not suggest that the trading companies which are denuding the country of all its wealth, should at least employ Aleuts as fishermen and in their factories instead of importing Chinamen and members of the numberless foreign races which roam on the Ame-

«fisherman»-ы на свои фабрики брать самихъ же алеутовъ вмѣсто привозныхъ китайцевъ и кочующихъ по Америкѣ и въ частности Аляскѣ представителей другихъ странъ?

Черезъ М. А. Кашеварова алеуты просили г. Elliot'a о томъ, чтобы онъ похлопоталъ въ Вашингтонѣ о выдачѣ имъ безвозмездно сѣменного картофеля, ибо онъ для нихъ можетъ замѣнить исчезающую дорогую муку, которую, за отсутствіемъ пушного промысла, имъ не на что покупать. Что же? Ждали они, бѣдные, ждали, а отъ капитана и по нынѣ нѣтъ отвѣта. Придется, бѣднымъ, опять всю зиму гладать одну сухую какъ палка «юколу».

Многое просится на перо, объ многомъ говорить наболѣвшее сердце... Но кому повѣдать? Кто здѣсь пойметъ? Кто захочетъ выслушать, когда всю твою многолѣтнюю дѣятельность, которой ты отдаешь душу, какой нибудь верхоглядъ чиновникъ, заглянувшій, въ родѣ Elliot, на часокъ въ Аляску, однимъ почеркомъ пера называетъ прямо «evil», а тебя именуетъ правительственнымъ бунтовщикомъ!.. Не совѣмъ весело и радостно.

Но да миръ будетъ и съ капитаномъ. Господь да проститъ ему его клеветническое безстыдное легкомысліе и вразумить недобрыхъ и злыхъ людей, такъ коварно введшихъ его въ заблужденіе и ложь.

Тѣ изъ газетъ, которыя довѣрились живымъ показаніямъ капитана Elliot'a, прошу перепечатать мой отвѣтъ ему».

Священникъ русской церкви въ Кадьякѣ,

ТИХОНЪ ШАЛАМОВЪ.

1900 года, 5 Юня.

rican continent generally and in Alaska in particular?

The Aleuts begged Captain Elliot through M. A. Kашеваров to intercede for them in Washington and ask that seed potatoes be sent to them free of charge, as potatoes may become a substitute for the expensive flour, which they can no longer afford to buy since the destruction of the hunting. And what came of it? Here they have been waiting, poor things, over a year, and to this day not a word from the Captain! The poor wretches will again have to gnaw all winter at their miserable *yukola* (dried fish), hard as a stick.

There is so much to tell that the pen would almost write unbidden—so much that makes the heart ache to breaking!.. But who is there to tell it to! Who would understand here? Who will listen when an indifferent official like this Captain Elliot runs down here for an hour or two, glances at things superficially, and with one stroke of his pen brands a man as a preacher of sedition and his six years of honest work as „an influence distinctly for evil!” It is not exactly encouraging!..

However, peace be with all men and with the Captain also! May the Lord forgive him his slanderous and shameless flippancy and bring to a better sense those wicked and heartless men who so perfidiously induced him into error and wrong!

I request those papers which trustfully accepted Captain Elliot's false statement to publish in their columns my reply to him.

Tikhon Shalamof

Priest of the Russian Church at Kadyak.

June 5, 1900.

Извѣстія и Замѣтки.

Дѣла въ Китаѣ.

Наши читатели несомнѣнно знаютъ уже, что происходятъ въ настоящее время въ Китаѣ, на который устремлено теперь вниманіе всего міра. По мнѣнію одного изъ лучшихъ знатоковъ Китая, г. Поздѣва, часто повторяющіяся въ немъ противохристіанскія движенія вызываются, главнымъ образомъ, широкимъ распространениемъ антихристіанской и антиевропейской литературы. Разсадникомъ этой литературы является провинція Хунань. Изъ этого центра она расходится по всѣмъ направленіямъ въ формѣ афишъ, пасквилей, каррикатуръ, брошюръ и книгъ различныхъ размѣровъ. Издаются эти произведенія на добровольныя даянія мандариновъ и лицъ

торговаго класса. Невыразимо больно и трудно,—говорить г. Поздѣвъ въ своей книгѣ Монголія,—передавать содержаніе этихъ брошюръ и картинъ: въ нихъ столько богохульства, злобы, оскорбленій и самаго непрогляднаго невѣжества. Извѣстно, что древніе римляне изображали Христа Спасителя въ видѣ распятаго на крестѣ осла; китайцы пошли еще дальше и изображаютъ Его въ видѣ стоящаго или также распятаго на крестѣ бѣрова. Европейцы изображаются на карриатурахъ баранами и козлами, обычнымъ названіемъ ихъ является черти или зеленые шляпы, что служить въ Китаѣ символомъ рогоносца. Излюбленными обвиненіями противъ европейцевъ служатъ обвиненія въ выковыри-

ваніи глазъ у живыхъ и мертвыхъ китайцевъ. Глаза эти, по мнѣнію китайскихъ писателей, употребляются для выдѣленія серебра изъ свинца. Далѣе противъ европейцевъ возводятся обвиненія въ кастраціи китайцевъ, въ извлеченіи у нихъ мозговъ и т. д. Продукты эти употребляются будто бы фотографами для различныхъ химическихъ цѣлей. Печальнѣе всего то, что весь этотъ нелѣпный бредъ печатается не только въ лубочныхъ изданіяхъ, но повторяется даже высокопоставленными сановниками въ ихъ официальныхъ отчетахъ китайскому правительству. Эта пропаганда, съ одной стороны, служитъ круною преградой къ распространенію христіанской проповѣди въ Китаѣ, а съ другой—фанатизируетъ китайскую чернь и подстрекаетъ ее къ различнымъ безпорядкамъ противъ иностранцевъ.

Въ настоящее время событія въ Китаѣ принимаютъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Официально война между Китаемъ и державами ни съ той ни съ другой стороны еще не объявлена, но фактически она ведется вотъ ужъ мѣсяцъ и сражающіеся пролили уже не мало крови. Наибольшія потери людьми съ европейской стороны понесла Россія: онѣ равняются уже сотнямъ убитыхъ и раненныхъ. Очевидно, что или на долю русскихъ достаются въ дѣйствіяхъ соединеннаго европейскаго отряда въ Китаѣ самыя трудныя задачи или русскіе болѣе другихъ проявляютъ самоотверженія. Въ занятіи Таку и Тянь-Цзиня и въ спасеніи международнаго отряда, отправлявшагося въ Пекинъ для спасенія осажденныхъ въ немъ европейскихъ миссій, наши войска проявили общую стойкость и храбрость, признанную и всеми союзниками. Но принимая дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Европы противъ Китая, Россія, однако, официально заявляетъ, что намѣрена ограничить его исключительно помощью китайскому правительству въ восстановленіи нарушеннаго «боксерами» порядка въ странѣ. Дальше этого она не намѣрена идти и свои вѣками установившія мирныя дружественныя отношенія въ Китаю надѣется сохранить и впредь.

По сообщеніямъ американскихъ газетъ противу-христіанское и—европейское движеніе въ настоящее время охватило уже весь сѣверо-востокъ Китая, Манчжурію и Корею, и китайцы начинаютъ нападать уже на русскіе города—Благовѣщенскъ, Хабаровскъ, Харбинъ и др. Насколько достоверны эти извѣстія,—трудно судить, какъ трудно судить и о справедливости заявленія этихъ газетъ о мобилизованіи русскимъ Правительствомъ якобы громадной арміи для войны съ Китаемъ.

Положеніе дипломатическихъ миссій въ Пекинѣ до сихъ поръ не опредѣлено точно. Газеты одного дня утверждаютъ, что всѣ члены европейскихъ миссій въ Пекинѣ

избиты, причемъ ими даются и подробности гибели ихъ, подробности ужасающія. На другой день тѣ же газеты приводятъ телеграммы о томъ, что всѣ европейцы въ Пекинѣ, за исключеніемъ Германскаго посланника, о которомъ уже достоверно извѣстно, что онъ звѣрски убитъ «боксерами», еще живы, но находятся въ зданіи англійскаго посольства въ осадномъ положеніи и вынесутъ его, если не подоспѣтъ помощь, не долго. Но послѣднимъ извѣстіямъ европейская печать не довѣряетъ: думаютъ, что эти извѣстія—дѣло китайцевъ, желающихъ успокоить Европу, чтобы выиграть время для окончательныхъ приготовленій къ войнѣ.

Нѣтъ ни въ мѣстной ни въ русской печати никакихъ положительныхъ извѣстій и о нашей духовной миссии въ Китаѣ. О гибели массы христіанъ и миссіонеровъ другихъ исповѣданій христіанскихъ есть вполнѣ точныя извѣстія, о русской же миссии мы знаемъ только, что 25 мая «боксерами» сожжена православная церковь въ деревнѣ Дун-дин-ань. Между тѣмъ мы знаемъ, что наша православная миссія въ Китаѣ имѣетъ пять церквей—двѣ въ Пекинѣ и по одной въ городахъ Ханькоу и Калгасѣ и деревнѣ Дун-дин-ань. Кромѣ того на русскомъ кладбищѣ около Пекина и на берегу Печилійскаго залива, на Цзинь шань-цзу, куда переселяются лѣтомъ русскія семьи изъ Пекина и Тянь-Цзиня, есть два молитвенныхъ дома. Наконецъ, при миссии есть типографія, три школы—двѣ, мужская и женская, въ Пекинѣ и одна въ Дунь-дин-ань,—и богадѣльня для призрѣній вдовъ и сиротъ православныхъ китайцевъ. Православныхъ при церквяхъ миссии по отчету 1897-98 г. состояло: русскихъ, временно проживающихъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ около 30 душъ обоего пола, въ Ханькоу около 50 и въ Калганѣ около 40; албазинцевъ—потомковъ русскихъ давнишнихъ поселенцевъ въ Китаѣ—315; китайцевъ—103, всего около 578 душъ обоего пола. Въ составъ миссии входятъ: Начальникъ ея архимандритъ Иннокентій, 2 іеромонаха, Николай Дробязгинъ и Авраамій Часовниковъ, 1 священникъ, Николай Шастинъ, и 1 діаконъ, Василій Скрижалинъ, и кромѣ того нѣсколько туземцевъ катихизаторовъ и учителей въ школахъ. Что стало съ всеми этими миссіонерами, съ ихъ православной паствой, съ церквями и разными учрежденіями миссии,—трудно сказать опредѣленно. Основываясь на извѣстіи о гибели церкви въ Дун-дин-ань и на телеграммахъ о сожженіи и разрушеніи церквей и всѣхъ миссійныхъ учрежденій другихъ исповѣданій, можно думать, что и всѣ наши церкви въ Китаѣ со всѣмъ, что было при нихъ, погибли. Но что сказать о людяхъ? Органы протестантскихъ, католическихъ и другихъ христіанскихъ миссій полны списковъ своихъ дѣятелей, мученически погибшихъ въ Китаѣ. Именъ нашихъ миссіонеровъ, рѣчи объ исповѣдникахъ православія тамъ нѣтъ, но можетъ ли это дать намъ какую нибудь добрую надежду? Едва ли.

Въ своемъ возстаніи противъ европейцевъ, насильно и не брезгуя никакими средствами навязывающихъ имъ свою цивилизацію и религію, которыхъ они не признаютъ годными и нужными для себя, въ чаду разбуженныхъ имъ дикихъ страстей, дикой жажды крови, китайцы едвали пощадили скромныхъ труженниковъ православной идеи, едвали вспомнили, что эти труженники со-всѣмъ не похожи на обычный типъ европейскихъ миссіонеровъ—культуртрегеровъ, морившихъ ихъ опиумомъ, какъ забыли они, поднявъ руки на Россію, и то, что вѣка жили съ нею въ миръ и не видѣли отъ нея никакого зла, ни малѣйшаго посягательства на ихъ политическую и общественную жизнь и весь ея укладъ...

Митрополія Буковинско-далматинская и архіепископія Черновицкая.

17 января 1899 года состоялось посвященіе въ санъ епископа номинально возстановленной радовецкой епископіи Преосвященнаго Владиміра (русскій по происхожденію, род. въ 1841 г.). Посвященіе Архимандрита Владиміра въ санъ епископа радовецкаго съ радостію встрѣчено и румынами и русскими. Румыны радуются, хотя бы и номинальному, возстановленію древняго радовецкаго епископства. Русскіе же, имѣя въ лицѣ преосвященнаго Владиміра русскаго по происхожденію епископа, надѣются, что онъ будетъ сколько возможно отстаивать интересы такъ сильно угнетаемой въ Буковинѣ православной церкви. Дай Богъ, чтобы надежды ихъ оправдались.

Уже нѣсколько лѣтъ подрядъ подручныя Австро-Венгерскому правительству польско-іезуитскія и русскія украинофильскія газеты ратовали за проектъ раздѣленія православной епархіи въ Буковинѣ на двѣ епархіи—русскую и румынскую. Въ январѣ 1899 года два депутата буковинскаго сейма, Пигулякъ и Василько, обратились къ буковинскому митрополитскому синоду съ меморіаломъ, въ которомъ, изображая бѣдственное положеніе православной русской церкви вслѣдствіе усилившейся за послѣдніе годы румынизации русскихъ приходовъ, ходатайствовали о томъ, чтобы буковинская митрополія была раздѣлена на двѣ—русскую и румынскую, или, если это неудобно исполнимо, то чтобы по крайней мѣрѣ буковинская консисторія была раздѣлена на двѣ секціи—русскую и румынскую, и чтобы митрополитъ и его викаріи были назначаемы непременно изъ среды русскаго и румынскаго духовенства. И такъ, мотивомъ къ раздѣленію выставляется, повидимому, доброе желаніе освободить русскихъ буковинцевъ отъ нежелательной румынизации. На самомъ же дѣлѣ это не болѣе, какъ хитрый іезуитскій замыселъ—внести раздоръ туда, гдѣ его не было, и подъ видомъ сердобольнаго сочувствія подготовить почву для латинизации и колонизации русскаго народа. Вотъ почему буковинско-русское духовенство возстало противъ затѣи Пигуляка и Василько и

съ своей стороны представило митрополиту и свѣтскимъ властямъ выработанный особой комиссіей и утвержденный на съѣздѣ духовенства въ г. Черновцахъ 30 мая 1899 г. меморіалъ (изъ 12 параграфовъ), въ которомъ оно рѣшительно высказывается за принципъ нераздѣльности буковинской митрополіи и консисторіи и предлагаетъ рядъ мѣръ, необходимыхъ для устраненія аномалій и неурядковъ, вкравшихся въ церковную жизнь.

Желанія православнаго русскаго духовенства въ Буковинѣ, однако, доселѣ не удовлетворены да и едва ли можно надѣяться на скорое ихъ исполненіе, въ виду обострившихся за послѣдніе годы отношеній между русскими и румынами. Прошли тѣ счастливыя времена, когда православные румыны, имѣя еще въ своихъ церквахъ тѣ же церковнославянскія богослужебныя книги, жили съ русскими въ добромъ и мирномъ сосѣдствѣ, когда они ясно сознавали, что интересы обоихъ народовъ въ Буковинѣ, русскаго и румынскаго, совершенно тождественны и въ дѣлахъ народныхъ и церковныхъ шли съ русскими рука объ руку, защищая эти дѣла противъ покушеній на нихъ со стороны непрощенныхъ пришельцевъ, главнымъ образомъ со стороны поляковъ и галицко—русскихъ сепаратистовъ. Нынѣ въ румынахъ русскіе не только не встрѣчаютъ поддержки противъ общихъ враговъ, одинаково опасныхъ обоимъ народамъ, но часто находятъ ихъ на сторонѣ этихъ враговъ, особенно въ стремленіяхъ послѣднихъ подкопаться подъ православную церковь. Ослабленные національнымъ шовинизмомъ, румыны не замѣчаютъ, что работаютъ въ руку Риму и іезуитамъ, стремясь переносить румынизацию русскаго населенія на церковную почву. И въ этомъ, къ сожалѣнію, они встрѣчаютъ дѣятельную поддержку со стороны высшаго епархіальнаго духовенства, съ митрополитомъ во главѣ. Не смотря на то, что изъ 500 православныхъ приходовъ въ Буковинѣ свыше 350-ти составляютъ чисто русскіе приходы, большинство назначаеваемыхъ въ эти приходы священниковъ принадлежатъ къ румынской національности. Эти священники—румыны забываютъ свое истинное назначеніе и несутъ въ свои русскіе приходы національную вражду и румынизацию. Они не только позволяютъ себѣ совершать богослуженіе на румынскомъ языкѣ, но часто отказываются исповѣдывать русскихъ на русскомъ языкѣ, отзываясь незнаніемъ этого языка, хотя въ большинствѣ случаевъ это даже и не правда. Выписывать изъ Россіи православныя молитвенники и богослужебныя книги русскимъ не позволяютъ, въ самой же Буковинѣ такихъ молитвенниковъ и книгъ не печатаютъ. Вслѣдствіе этого православныя церкви находятъ въ такомъ положеніи, что придется имъ пожалуй заводить у себя рукописныя книги, какъ до изобрѣтенія книгопечатанія. Іезуиты,—которыхъ, стараніями поляковъ и русскихъ сепаратистовъ, въ Буковинѣ становитъ

ся съ каждымъ годомъ все больше и больше,—пользуются этимъ крайнимъ недостаткомъ въ богослужебныхъ книгахъ и какъ разъ кетати приходять на помощь съ своими книгами. Уніатскія богослужебныя книги весьма нерѣдко употребляются въ русскихъ православныхъ приходахъ, и городскихъ и сельскихъ. Такимъ образомъ постепенно подготавливается почва для введенія уніи. Положение православныхъ русскихъ въ Буковинѣ тѣмъ печальнѣе и можно сказать безотраднѣе, что пока ни въ комъ они не видять себѣ поддержки и помощи, ни откуда не видять себѣ спасенія.—

Въ Которѣ, каедральномъ городѣ боко-каторской, дубровницкой и спичанской епархіи, въ скоромъ времени предполагается приступить къ постройкѣ новаго православнаго храма вмѣсто сгорѣвшаго. Официальный далматинскій журналъ «Смотра» извѣщаетъ, что министерство просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ одобрило смѣту на постройку православнаго храма во имя св. Николая чудотворца—въ размѣрѣ 71.200 гульденовъ. Министерство разрѣшило пособіе въ размѣрѣ 40 тыс. гульд. изъ камеральнаго фонда. Остальное будетъ покрыто добровольными пожертвованіями, коихъ и до нынѣ собрано уже достаточно.—

Въ Задрѣ, каедральномъ городѣ далматинско-истрійской епархіи, образованъ въ половинѣ 1897 года особый комитетъ для сбора добровольныхъ пожертвованій на постройку сербскаго православнаго храма въ г. Сплетѣ. Географическое положеніе Сплета, какъ срединнаго пункта Далмаціи, требуетъ, чтобы какъ можно скорѣе былъ построенъ здѣсь православный храмъ, котораго доселѣ не было. Отсутствіемъ храма объясняется незначительное количество и приближенное положеніе проживающихъ въ Сплетѣ православныхъ сербовъ. Православный храмъ, когда будетъ построенъ, сдѣлается центромъ, около котораго, можно надѣяться, будутъ въ большомъ количествѣ группироваться сербы православной вѣры. Комитетъ разослалъ приглашенія. Пожертвованія притекають, хотя собрана еще далеко недостаточная сумма. Предсѣдателемъ комитета состоитъ Преосвященный Никодимъ Милашъ, епископъ далматинско-истрійскій.

(Богосл. Вѣстникъ).

Изъ Санъ—Франциско.

28 іюня, въ годовщину смерти въ Бозѣ почившаго Благовѣрнаго Государа Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, въ каедральномъ соборѣ была совершена торжественная панихида.

Въ тотъ же день получено было въ Санъ-Франциско горестное извѣстіе о кончинѣ Высокопреосвященнаго Іоанніиія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и по почившемъ Владыкѣ также была отслужена панихида.

29 и 30 іюня и 1-го іюля Православнымъ Женскимъ Обществомъ въ Санъ-Франциско былъ устроенъ въ пользу голодающихъ въ Индіи и съ цѣлью увеличенія средствъ Общества «Русскій Чай». Симпатичная цѣль предпріятія вызвала къ нему большое сочувствіе среди мѣстной публики и газетной прессы, чѣмъ и объясняется то, что залы, гдѣ былъ устроенъ «Чай», были переполнены посѣтителями.

Много способствовала привлеченію гостей и та обстановка, при которой былъ устроенъ «Чай». Общество воспользовалось милостивымъ разрѣшеніемъ Его Преосвященства устраивать свои собранія въ приемныхъ Владыки и украсило ихъ для приема гостей. Кромѣ флаговъ, зелени и цвѣтовъ, на сей разъ украшеніемъ залы были русскія полотенца изящной работы, въ изобиліи развѣшенные по стѣнамъ. Столы были покрыты исключительно русскими скатертями и салфетками. Члены Общества, принявшіе на себя заботу о гостяхъ, были въ національныхъ костюмахъ: русскихъ, мордовскихъ, сербскихъ, сирійскихъ и румынскихъ. Кипящія самовары были разставлены на столахъ, вокругъ нихъ красовалась русская чайная посуда. Послѣ краткаго молебна, съ возгласеніемъ многолѣтня Женскому Соревновательному Православному Обществу и Почетному Покровителю онаго Преосвященнѣйшему Тихону, Епископу Алеутскому и Сѣверо-Американскому, касса Общества начала бойко торговать, а въ стоящую здѣсь кружку стали опускаться щедрыя жертвы. Въ числѣ посѣтившихъ «Русскій Чай» въ первый день его открытія были: Г. Русскій Консулъ П. Козакевичъ, Англійскій Консулъ, инославные священники, еврейскій раввинъ и причтъ собора. Но особымъ многолюдствомъ отличался «Чай» во второй день, т. е. 30 іюня, какъ послѣ обѣда, такъ и вечеромъ. Залы были переполнены; буквально негдѣ было повернуться. Прекрасное пѣніе архіерейскаго хора придавало еще боѣе интереса и оживленія вечерамъ. Подъ опытнымъ руководствомъ регента Н. Θ. Гривскаго было спѣто много русскихъ хоровыхъ пѣсенъ и тріо. О. протодіакоцъ П. Поповъ съ искусствомъ спѣлъ нѣсколько арій изъ «Жизни за Царя». Были и любители—пѣвцы изъ американцевъ. Въ музыкѣ также недостатка не было: многіе изъ мѣстныхъ музыкантовъ безвозмездно предложили свои услуги. Вообще американцы оказались очень отзывчивыми на наше дѣло. Одной изъ мѣстныхъ торговыхъ фирмъ пожертвовано въ восполненіе фонда въ пользу голодающихъ въ Индіи готовое женское платье и нарядка, каковыя вещи и были разыграны въ лоттерей въ субботу 1-го іюля, въ каковой день въ 5 ч. веч. и закончился «Русскій Чай».

За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, въ кассу Общества поступило 102 дол. 25 ц., изъ каковой суммы три четверти были переданы въ комитетъ по сбору пожер-

твованій въ пользу голодающихъ въ Индіи, а одна четверть на увеличеніе средствъ Общества. Въ скоромъ будущемъ Общество намѣрено устроить «Базаръ». Надѣмся, что новое предпріятіе осуществится съ такимъ же успѣхомъ, какъ и «Русскій Чай».

Ю. П.

Изъ Ситхинской хроники.

Съ мая мѣсяца Ситха всегда начинается оживать послѣ своего зимняго прозябанія. Съ него начинается здѣсь туристическій сезонъ. Хотя нынѣшній годъ и обѣщаетъ значительный отливъ подвижного туристическаго состава въ Парижъ на выставку, но Ситха не оставляетъ своихъ приготовленій къ приему гостей.

Однимъ изъ первыхъ пароходовъ теплой навигаціи пришелъ «Веагъ». На немъ прибылъ въ Ситху попечитель Аляскинскаго учебнаго округа Dr. Sheldon Jackson. Съ именемъ послѣдняго въ Аляскѣ связано много мѣстныхъ вопросовъ. По привычкѣ представлять себѣ эту личность съ голоса нѣсколько неумѣренной американской печати а также значительно утрирующихъ партіонистовъ, мы нисколько не относили къ себѣ его пріѣзда. Но г. Джексо́нъ былъ на столько предупредителенъ, что, оставивъ предрасудки стараго немирнаго времени, посѣтилъ русскую миссію. Разговоръ его съ настоятелемъ миссіи велся въ тонѣ опознанной совмѣстимости интересовъ мѣстнаго народнаго просвѣщенія и вліянія православной церкви. Доктора очень занимаетъ мощный соидательный духъ Россіи, всѣхъ ея современныхъ мировыхъ начинаній, и степень соприкосновенія послѣднихъ съ американской жизнью. Оказывается, — американцы возлагаютъ очень большія надежды на завершающійся великій сибирскій путь. Высказывая это и выражая свою пріязнь къ Россіи, докторъ высказалъ также, что очень приятно и глубоко пораженъ улучшеніемъ судьбы англійскаго языка въ Аляскѣ. Настоятель миссіи разъяснилъ доктору, что съ настоящаго времени Русская миссія вводитъ свои школы въ сферу регулярной правительственной отчетности и первымъ своимъ рапортомъ свидѣтельствуетъ о почтенномъ значеніи своего дѣла, равно какъ и о *всякой готовности споспѣшествовать мероприятіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но, конечно, съ сохраненіемъ твердышаго status quo въ системѣ вроисповѣдной своей свободы, съ вліаніемъ въ объясненномъ родѣ на воспитывающуюся юность.*

По выслушаніи сего, г. Джексо́номъ былъ заданъ о настоятелю вопросъ о сущности доктрины православія и вліяніи послѣдняго въ Америкѣ. Вопрошаемымъ лицомъ и на это былъ данъ должный отвѣтъ, что протестанты не имѣютъ никакаго историческаго основанія выступать противъ православія; что послѣд-

нее не сколокъ съ католичества, а колоссальнѣйшій камень созданной Христомъ на востокъ церкви, благовѣствованіе коей, исполненное всякаго достоинства и нерушимаго авторитета, принесено русскими въ Аляску въ утверженіе той гражданственности бывшей русской Америки, о коей д-ръ такъ вѣдомъ, начитанъ и наслышанъ. Г. Джексо́нъ вполне согласился съ сказаннымъ и привѣтливо поблагодарилъ за указаніе, присоединивши къ этому просьбу — написать ему краткую, въ фактахъ и лицахъ и не колеблющихся выводахъ, справку о началѣ православія въ Америкѣ и движеніи его въ настоящее время.

Послѣ этого д-ръ осматривалъ покои миссіи, любовался библіотекой и роскошью послѣднихъ русскихъ изданій, внимательно слушалъ объясненія о русскомъ школьномъ дѣлѣ, особенное же вниманіе обратилъ на гостинную митрополита Иннокентія, гдѣ стоитъ столъ собственноручной работы этого труженика, его часы, трюмо и келейная икона. Докторъ, какъ любитель историческихъ рѣдкостей, сказалъ, что впервые видитъ все это и навсегда сохранить объ этомъ посѣщеніи самую живую и почтительную память. Побывалъ Д-ръ и въ мѣстной Крестовой церкви, и здѣсь нашелъ все серіознымъ, изящнымъ, знаменательнымъ и достопримѣчательнымъ.

Предъ отъѣздомъ г. Джексо́нъ дѣлился вынесенными впечатлѣніями изъ первой своей побывки въ Россію, начиная со встрѣчи съ русскимъ обществомъ на русскихъ военныхъ крейсерахъ и оканчивая теплѣйшимъ гостепримствомъ въ домѣ почтеннѣйшаго о. Петра Донскаго въ г. Петропавловскѣ.

Вскорѣ по отбытіи г. Джексона изъ миссіи на «Веагъ», наступилъ вечеръ и взморье очень порывисто начало волноваться, почему о. Настоятель и не имѣлъ возможности отъѣхать визитъ г. попечителю округа.

Путь и привѣтъ миренъ ишущимъ мира!

Иер. Антоній.

Грозно и мрачно промесались надъ Ситхой ея «бури и непогоды». Но съ ними бѣды ея еще не кончились: противодѣйствіе православной миссіи со стороны пресвитеріанства еще продолжается, хотя можно думать, что это ужъ послѣдніи усилія его.

Когда между индіанскими насельниками Ситхи возникъ раздорный геральдическій конфликтъ (см. «Америк. Прав. Вѣстникъ» № 7, 1900 г.), среди пресвитеріанъ сейчасъ же нашлись непрошеные вѣсовщики чужихъ обстоятельствъ. Всіли криво и фальшиво, но, однако, съ видимымъ наворотомъ въ свою пользу. Мг. К., отпускаяшій товаръ, беззащѣчиво предувѣдомилъ публику, что все можно сдѣлать, если только заинтересованныя лица представятъ ему всѣ полномочія отъ себя и, главное, если примутъ пресвитеріанство. Зная о суевѣрномъ благоговѣніи колошъ предъ офици-

альной бумагой, Мг. К. унизили до оборудованія злокозненной формальности и заставилъ обѣ противныя стороны тяжущихся о жабьемъ гербѣ подписать клятвенное обѣщаніе, что онѣ отселѣ не имѣютъ никакой части въ православіи и будутъ пресвитеріанами. Сдѣлка—куда не красивая. Но ни братъ, ни человекъ тамъ не пособить, гдѣ Богъ не избавить. Въ своихъ прытихъ пожеланіяхъ и козностроительствахъ Мг. К. былъ подавляюще изболченъ самими же индійцами, совершенно теперь отъ него отшатнувшимися за раскрытый обманъ.

Но не успѣвъ извлечь желаннаго эффекта изъ дѣла о лягушкѣ, зложелатели православія не охладѣли въ своемъ рвеніи вредить ему и всѣми силами своими устремились на православную школу для туземцевъ, рѣшивъ разжиться здѣсь прозелитами путемъ насильственного приворота православныхъ дѣтей къ пресвитеріанской школѣ. Опыты производились такъ: учительницы пресвитеріанской школы устанавливались въ раскрытыхъ настежь дверяхъ ея и устремлялись на мимоидущую дѣтвора какъ на котиково побоище, съ такимъ живымъ и высокимъ драматизмомъ описанное Максимовымъ въ его «Тюленьемъ островѣ». Колонатамъ трудно было выскободиться изъ цѣпкихъ ручекъ охотницъ, и они шли куда ихъ вели. Лишь самые догадливые, лавни верстового крюку по талой тундрѣ, запыхавшись, попадали въ православную школу. Такая угонная система продолжалась до тѣхъ поръ, пока Ситхинская православная школа не получила своего правоспособнаго и добросовѣстнаго учителя въ лицѣ іеромонаха Меводія, замѣнившаго своихъ совсѣмъ неопытныхъ предшественниковъ. Уговорившись съ православными родителями о цѣляхъ и задачахъ воспитанія ихъ дѣтей, новый учитель началъ самъ выходить на препретельное школьное ристалище. На мѣстѣ убѣдившись въ фактѣ перехвата дѣтей, онъ попросилъ учительницъ оставить этотъ ловъ учениковъ и, по праву своего пастырства, переправилъ 40 человекъ православныхъ дѣтей въ свою школу. Пресвитеріанская школа опустѣла до гола...

Только что снялись со сцены двѣ живыя картины: одна у пресвитеріанскаго нотаріуса, вѣсовщика совѣсти и другая въ туземной школѣ, какъ по улицамъ Ситхи двинулась цѣлая манифестационная процессія. Ее велъ Моисей... Безносый, таково его подлинное прозвание. Судя по бубнамъ, бьющимъ походъ, и знаменамъ, рѣющимъ подъ окнами трактировъ, надо было признать эту процессію обычнымъ шествіемъ Salvation Army. Но ситхинское дѣйство, если не брать во вниманіе его внѣшней стороны, ничего общаго съ дѣятельностью этого учрежденія не имѣло. Ситхинскій вождь своею единственною цѣлью имѣлъ проповѣдь противъ православія, при чемъ, ратуя противъ него, хваталъ въ свое опол-

ченіе всѣхъ, кого могъ. Но Богъ пронесъ соблазнъ, стыдѣніе и обиду. Послѣ своей вдохновенной проповѣди въ храмѣ, Моисей Безносый въ глазахъ своихъ слушателей потерялъ и голову и авторитетъ. А въ данную минуту, по волѣ Божіей, онъ уже въ сырой землѣ, на пути къ вѣчному воздаянію за свои *наемныя дѣянія*...

Для полнаго увѣнчанія терпѣнія православныхъ на зрѣло и благополучно разрѣшилось и еще одно испытаніе. Пресвитеріанская миссія, во имя своей во всѣхъ смыслахъ практической морали, всегда широко благоговорила въ Ситхѣ своею медицинскою платною помощью. Въ послѣднее время она стала дѣлать особенный нажимъ на этотъ родъ благотворительности. Докторъ мисси, молодой человекъ и очень юный практикъ, особенно тутъ усердствовалъ, и всегда—съ сектантскимъ вмѣненіемъ. Кто долго перемогался, лежа въ пресвитеріанской больницѣ, тому д-ръ настойчиво рекомендовалъ для выздоровленія стать пресвитеріаниномъ, точно пресвитеріанство какой-то предикатъ здоровья... И чего бы, кажется, легче такимъ путемъ уловлять людей въ свою секту?! Но, видно, дѣло это неправое и посему немощно наравнѣ со всѣми немощами человечества. Безъ преувеличенія говоримъ, что теперь *вся Ситха* ходитъ въ православную русскую амбулаторію, которой завѣдуетъ о. Меводій. И во имя Божіе и ко славу православія лѣченіе идетъ здѣсь очень успѣшно, первоклассный же пресвитеріанскій госпиталь положительно пустуетъ и почти совсѣмъ прикрытъ.

Гордая ситхинская пресвитеріанская миссія, такимъ образомъ, хватается за все, чтобы повредить православію, но жизненные силы ея, видимо, уже изсякаютъ. Начало ея достойно особой монографіи, текущіе же дни ея просто плачевны. Въ киркѣ часто слышится ропотъ, что благотворители, жаловавшіе миссію двадцать лѣтъ, теперь перестали помогать ей. Жалобы эти завершаются послѣднимъ озорствомъ пастора, который доходитъ до неслыханно повелительнаго призыва колоншъ къ немедленному пришествію пресвитеріанскихъ вратъ. Онъ ходитъ по избамъ православныхъ, требуя отъ нихъ обращенія въ пресвитеріанство, раздастъ имъ, вмѣсто иконъ, какія то подозрительныя изданія съ самыми нескладными оттисками, гдѣ съ большимъ грѣхомъ изображены важнѣйшія лица св. исторіи, а на оборотѣ помѣщены объявленія о швейныхъ машинахъ и др. ходкихъ патентованныхъ американскихъ товарахъ, и т. д. Но посетилъ Господь самозваннаго дѣятеля своимъ вразумленіемъ: въ домѣ пастора взорвало котель—бойлеръ и чугунные осколки его сильно изранили хозяевъ за устремленіе къ раздѣленію единаго союза и тѣла членовъ православной церкви...

A. Mortimer.

Последнее слово объ оленьемъ дѣлѣ въ Аляскѣ, видно, еще не сказано. Миссіонеръ изъ того края д-ръ Хэррисъ (Harris) возлагаетъ на него, повидимому, большія надежды. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу на бывшемъ недавно миссіонерскомъ съѣздѣ. «...До 1889-го года мы доставили въ Аляску 550 оленей изъ сосѣдней Сибири, а къ 1898-му году число это возросло уже до 2.000; новый привозъ въ прошедшемъ году довелъ его до 3.000. Главный кормъ въ этомъ краю — олений мохъ; имъ покрыто полмилліона квадратныхъ миль, — достаточно на содержаніе 10-ти милліоновъ оленей и 2-хъ или 3-хъ милліоновъ людей, т. е. населенія приблизительно равнаго населенію Финляндіи, которое тоже держится оленями. Когда мы наберемъ до 10.000 оленей въ Сѣверозападной Аляскѣ, ежегодный приплодъ будетъ настолько значителенъ, что намъ можно будетъ снабжать ими всѣ миссіи, а Финляндскіе эмигранты, которыхъ множество собирается въ Америку, научатъ, какъ съ ними обходиться и присматривать за ними. Вопросъ о сообщеніи въ долгую арктическую зимнюю ночь, такимъ образомъ, разрѣшится самъ собою.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Награжденіе:

Подполковникъ М. И. Бархаткинъ, за пожертвованія на церкви и школы въ Епархіи, удостоенъ, по представленію Его Преосвященства, благословенія Святѣйшаго Синода съ грамотой.

Пожертвованія.

Въ пользу православной церкви въ г. Юнкерсѣ, шт. Нью-Йоркъ, поступили слѣдующія пожертвованія церковною утварью:

1) Отъ Таврическаго Архіерейскаго дома: Крестъ напрестольный серебropозлащенный 84 пр. вѣсу 54 золот., длины $6\frac{1}{4}$, ширины $4\frac{1}{2}$ верш.; 4 ставника; Воздухи: 2 воздуха серебрян. глзета, 1 бархатный, 1 шелковой матеріи дикаго цвѣта, 3 малиноваго полубархата, 1 малиноваго полубархата; Священническія ризы: 1 бѣлой шелковой матеріи, 1 фіолетоваго плиса, 1 черной атласной матеріи; Епитрахили: 1 фіолетоваго плиса, 1 черной атласной матеріи; Набедренники: 1 бѣлага шелковаго атласа; Пояса: 1 бѣлой шелковой матеріи; Поручи: однѣ шел-

ковья фіолетоваго цвѣта, восемь слодныхъ, однѣ бѣлой шелковой матеріи; Стихари: одинъ чернаго шелковаго атласа; Орари: одинъ чернаго шелковаго атласа.

2) Отъ Евпаторійскаго собора (Таврической Епархіи): 2 ризы серебрянныя съ полнымъ облаченіемъ и 1 парчевая съ епитрахилью; 2 діаконскихъ парчевыхъ стихаря съ ораями и поручами; парчевое покрывало на аналой; 1 большое Евангеліе барх. съ накладнымъ серебромъ и 1 малое Евангеліе тоже съ накладнымъ серебромъ; Апостоль. Кромѣ того поступило пожертвованій деньгами 14 р. 35 к.

На построеніе новаго храма въ Нушагакѣ поступило:

отъ Уналапкинской, Бѣльковской, Атхинской и на о-вѣ св. Павла церквей 37 д. 10 ц.

Присоединенія:

Въ Миннеаполисскомъ приходѣ за первое полугодіе 1900 г. присоединились къ православію изъ уни слѣдующія лица:

Андрей Крыль 26 лѣтъ, Димитрій Крайнякъ 17 л., Іосифъ Масица 23 л., Иванъ Хома 46 л., Даниль Хома 10 л., Георгій Пелякъ 48 л., Михаилъ Сеплякъ 30 л., Екатерина Ковальницкая 20 л., Сусанна Масица 17 л., Сусанна Хома 46 л., Параскева Хома 16 л., Анастасія Крайнякъ 16 л. и Анна Лесь 20 л.

СОДЕРЖАНІЕ: № 14. *Уважай достоинство челоѵка (изъ книги: «Моя жизнь во Христѣ», прот. Іоанна Сергіева). — On the Holy Sacraments of the Orthodox Church; by Bishop Hermogen. — Сводъ догматическихъ и главныхъ обрядовыхъ разностей, отличающихъ Западную Церковь отъ Восточной Православной. — Отвѣтъ на нападки на православную церковь въ Аляскѣ капитана S. P. Elliot (русск. и англ. текстъ). Извѣстія и замѣтки. Оффиціальныи отдѣлъ.*

И. д. Редактора В. Туркевичъ.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.